

18+

ВЯЧЕСЛАВ КИКТЕНКО

ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

Вячеслав Киктенко
ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

«Издательские решения»

Киктенко В.

ВОЛЧЬИ ПЕСНИ / В. Киктенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517029-3

Волки не только воют, иногда поют. Протяжно и горестно порою, как люди в своих песнях, не только старинных. Эта книга из таких песен. И песня, и вой.....в вагонах — до чёрта, Девчонки-бичёвки, Шепча, матерясь и теряясь в дыму, Вдруг песню заноют, такую, о чём-то, Чего и не высказать никому. И — к дьяволу счастье! В слезах-покаяньях Зарыться в глухие снега с головой, И выть, задыхаясь в кромешных сияньях, Ни песен, ни слов — Только воля и вой...

ISBN 978-5-00-517029-3

© Киктенко В.
© Издательские решения

Содержание

Вячеслав Киктенко	6
БРАНЬ МЫСЛЕННАЯ	8
БДАГОДАТЬ	9
БЕГЛЫЙ	11
НА ЗИМНЕМ РАССВЕЕ	12
МИНИБАСНЯ	14
ВРЕМЯНКА	15
ПЬЯНАЯ ВИШНЯ	16
БЛАТНАЯ ГИТРАКА	17
БАРАЧНАЯ ПОВЕСТЬ	18
УРОД	22
***	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-7029-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вячеслав Киктенко КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

В карту ткнул.
Нагадал.
Магадан.

... в вагонах – до чёрта.
Девчонки-бичёвки,
Шепча, матерясь и теряясь в дыму,
Вдруг песню занюют – такую, о чём-то,
Чего и не высказать никому.

И – к дьяволу счастье!
В слезах-покаяньях
Зарыться в глухие снега с головой,
И выть, задыхаясь в крошечных сияньях,
Ни песен, ни слов —
Только воля и вой...

Река Виллой,
Теки, виляй,
В лесную даль заваливай,
Мою печаль заиливай,
Мотайся по песку.

А если мне не повезет,
А если зверь не догрызет,
Оставь на бережку.
Оставь меня на бережку
Водичкой залитым,
Водичкой залитым,
Песочком золотым...

Песочком этим золотым
Залей мою тоску,
Залей мою тоску,
И – снова по песку.

А в лугах-то гоготати славно гусям-лебедям!..
А в торгах-то благодати – ни баском, ни лепетом.
Вор хитёр, попал, не выскользнешь из его объятий,
Поп мудёр, ему не выскажешь всех своих проклятий,

А в кровях-то, поглядайте, искушенья свинские,
А в церквях-то – благодати, песни херувимские,
А как жить, не зная лиха, ни один не ведает,
Порадеет вор, и тихо в трапезной обедает.
А как жить на этом свете не святым, не грешникам,
Просто людям, просто детям, в школах неуспешникам,
А как жить-то, брат, на свете, не обидев ближнего,
Коли всё уже имети, да неймётся лишнего,
Лишь о бедах бормотати остаётся *небедам*...

А в лугах-то гоготати славно гусям-лебедям!

Зверь – честно предупреждает.
Тварь подлая – тайно горит.
Шакал выжидает.
Волк говорит.

В горней таинственной области
Иные знанья, ключи.
Бог – безмолвствует.
Дьявол – кричит.

Друг дружке никто на земле не противен,
Просто для каждого своя пора.
Мужчина – уже наивен.
Женщина – еще хитра.

БРАНЬ МЫСЛЕННАЯ

Когда, мигнув, как ёлка
В снегах, в тоске по Чуду,
От мысленного волка
Звероуловлен буду,
Когда вдали туманно,
Вблизи светло и пусто,
По следу Иоанна,
По слову Златоуста
Я сам себя поймаю
На мысли волчьей, хвойной,
И пойман, понимаю,
Что ближний свет – конвойный,
Что в дальних перевалах
Совсем не вестовые
Встают огни на скалах,
Огни – сторожевые,
Поёжусь, как предатель,
От мысли тошнотворной,
Что мысль и надзиратель,
И тут же – поднадзорный,
Что зря, во тьме тоскуя,
Весь век мой рвусь в огонь я,
Что вслед за тем бегу я,
Чья за спиной погоня...

Но в тот же миг, сволочен
И вздрючен дикой этой
Догадкой, истолочен,
И выключен планетой,
Переменив реальность,
За долем дол простукав,
Сменяю прицел на дальность,
И – новый холст проступит,
Где вновь среди декораций,
Стрелок и волк, я буду
Темнеть и загораться
И продираться...

БДАГОДАТЬ

...и вот на базаре, у летней пивнушки,
Слегка потеснившей церковный забор,
Старуха, к ларьку подносящая кружки,
Бочком затесалась в наш путаный спор.
Блаженная, нищая, в древнем уборе,
Хрипела она, злость и горечь тая:

«Девушка пела в церковном хоре,
Я эта девушка, я!
Была я всех ярче, была всех прелестней,
Я пела при хоре, любила стихи,
Я помню, однажды заслушался песней
Поэт, отмоливший у Бога грехи.
Он всё описал – моё белое платье,
И пенье, и луч, и младенца Христа,
И всё он наврал!.. Никакое проклятье
На нас не сошло ни с какого креста.
Бог всё рассудил, всем усталым награда
Досталась на том и на этом краю,
Чего не стерпели!.. А вышло как надо.
Я пела про это. И снова пою!
И все корабли, обойдя вокруг света,
Назад воротились, и все наяву.
Он умер давно и не знает про это,
А я это знаю, глядите – живу!
Старуха при храме, в пивной побирушка,
А век скоротала какой-никакой,
И труп его нищая эта старушка
Ещё шевельнет, коли нужно, клюкой...»

Как будто опомнясь, рукой узловатой
Посуду сгребла, и скорее от нас,
Студентов, зевак... мужичок-завсегдагай,
Довольный и гордый, дополнил рассказ:
«Во чешет!.. Откуда чего и берётся?
Видать, не из наших, из бывших, видать...
Ну, это, конечно, бывает, заврется...
А как и соврёт, на душе – благодать!»

Пахнет ревизией списанный хлам.
Кум, да сам-друг. Скобяная лавчонка.
Накеросинила ночь ло углам,
Набедокурил кривой мужичонка,
Щурится слепо, мол, что с мужика
Взять-то теперь? Разберись что откуда!

– «Цифру писал... так писал от пенька,
Глаз-то мутён, с грамотёшкой худо...
Это всё ты колдовал, куманёк!..
Жёнка в земле, третий год сиротею...
Дочь-сиротинку, и ту не сберег,
Глянь-ко, покойница, – выдал злодею!
Кто ж тебя ведал, шельмецкую морду?
Значит, в бега? Каждый сам по себе?
Выручка поровну, дочка тебе?.,
Пёс шелудивый, проваливай к черту!
Вам-то чего? Вся семья вор на воре,
Я ж дворянин, пусть мужицкой руки,
Выдь-ко из лавочки – чем не подворье?
Клетки, чуланчики, да закутки...
Не-ет, тут юли не юли, а зарвался,
Всё разговорчики, чёрт их возьми!..»
Душно. Парит. Вроде, дождик собрался.
Лампа покачивается над дверьми.
Мутная капля скатилась по жёлобу.
Сумрак смолчал. И затенькал, соря
Каплями пляшущими по жёлтому
Кругу на крыше от фонаря.

БЕГЛЫЙ

Сосал из берёзовой чарки огонь,
Глодал-выедал с голодухи ладонь,
А потом завыл-заревел: «Мать твою,
Кого хошь спалю, кого хошь убью,
Зажирела, гляди, родня,
Прокляла меня, заклала меня,
Подпалю овин, огоньком завью,
Забурюсь, как волк, в зелена...»

И стало вкусно глодать свинью,
Спасённую из огня.

НА ЗИМНЕМ РАССВЕЕ

Водка есть. Закуски нет. Добулькав,
Глянешь – в законной синеве
Ледяными кильками сосульки
Виснут на хозяйской бичеве.
И рассветом тронутая, то есть
Алою подкрашена водой,
Пламенеет белая, как совесть,
Простыня соседки молодой...

Чарующее слово – *дефлорация*...

Любил я необычные слова.
Мерещится какая-то акация,
Калитка, на головке кружева,
Волнуется всё это, несказанное...

Спросил я как-то девочку одну
По нраву ль ей такое слово странное?
И получил ещё одну весну
Невинную, считай – непреткновенную...

Люблю с тех пор лапшу обыкновенную.

Ну где же ты, нарядная? Какой-то май дурной...
Весна, как в банк, нагрянула налётчицей блатной.
Ранены ходики, пыль в углу,
Гирьки на комод. Цепь на полу.
Жизнь в минусе тусуется, в душе такая хрень!
А по садам рисуется, плюсуется сирень.
Я тоже, моя лапочка, по улочкам пойду,
Я посижу на лавочке в Сиреневом саду,
Там бродит пава чистая, долу – зрак,
Стреляет в меня искоса, в полный мрак,
Походочка вальяжная, зной в зрачке,
Автомат Калашникова в мозжечке,
Заводит речи вежливые... ну а вдруг?
Не смехи, разведчица, пуст сам-друг.
Качай бёдра плавные, зрак – горе...
Бандюки галантные – в конуре.
Скушно без денежки? А им, на цепи?
Молодая, женишься. Злость копи.
Заводись, ранняя, раскачивай пульс,
Ходики раненые заводи в плюс.

МИНИБАСНЯ

Телок, загрезивший о тёлке,
Забыл меж сладких грёз о волке.
Волк дать мог в рыло, но не в долг.

И был телку предъявлен...
Щёлк!

Как на зуб проверяют золотую монету,
Ночь прикусывает молодую планету,
Звёзды щёлкивает, как фискал,
Раздраконив к утру всю копилку,
Дарит миру кривую ухмылку,
Нежно рдеющий, сытый оскал...

ВРЕМЯНКА

Крест-накрест дранкою закрещены,
Багряно в ночь сочатся трещины,
Пока в саду, с волненьем слаживая,
Я за бычком бычок усаживаю.

Ты там, внутри сейчас, так жертвенно
Созревшая, царишь торжественно,
Горишь, по-царски мне обещана,
И ягода горит, как женщина...

Так зреют годы, яды, полночи,
Так ягоды звереют волчьи,
Так бьют их красные подфарники
В густые звёздные кустарники,
И никуда уже не денешься...

На что ты, милая, надеешься?

...лицо откинешь побелевшее
И – заскулишь... какого лешего?
Скулишь, скулишь ... «Не я, не я была...»
Шалишь, – была! Какого дьявола
Теперь страшиться, стыть во мраке нам,
Когда уже мирам, их раковинам,
Цикадам их, радарам выдана
Времянка со сквозящей ветхостью —
До дна, до выдоха, до выстона...

Она уже запахла вечностью.

ПЬЯНАЯ ВИШНЯ

В шкурке своей леопардовой
Ты шуришься, девочка-зверь,
Вчера ты сидела за партою,
За стойкою бара теперь.

Глаза у тебя кокаиновые,
И вид у тебя – «роковой»,
Только вот жесты наивные
Всю тебя выдают с головой.

Девочка, бледная вишенка,
Что тебя жжёт и знобит?
Даже упрятавшись в хищника,
Не переменишь свой вид.

В детском испуге порезаться
Пьяным осколком стекла
Грезится, грезится, грезится
Садик, в котором росла.

Ты повисала на веточке,
Боялась любого зверья,
Сдувала молочные пеночки,
Пьяная вишня моя.

Шкурка ли жжёт леопардовая,
Или следы от ремня?..
Падая, падая, падая,
Не западай на меня.

Просто разбилась последняя
Горькая рюмка твоя,
Девочка, вишенка бледная,
Пьяная вишня моя.

БЛАТНАЯ ГИТРАКА

Опять звенит хрусталь,
Опять чего-то жаль,
Вином залита скатерть дорогая,
И всё уже равно,
И всё-таки вино,
И всё-таки оно не помогает.

Гони, моя любовь,
Гони по жилам кровь,
Пусть будет гон похабно красногубым,
Сегодня наплевать,
Сегодня наливай,
Я буду отвратительным и грубым.

А после отдохни,
Гитарка, не звени,
Усни, а я пойду за первым снегом
Туда, где ждёт меня
Печальная родня
И верит, что я стану человеком.

БАРАЧНАЯ ПОВЕСТЬ

Медленно покачивая тенью,
Лампочка плывет на парашюте,
Пряжками звеня, на луч в передней
Девочка бежит по коридору,
Крылышки её неотвратимый
Ветерок, гася, относит в кухню,
Где шуршащей газовой клешнёю
Ей сжимает маленькое сердце
Синий гад подземный...
вкруг барака —
Длинного, разошедшегося, время
Бродит...
раздвигая занавески,
Забредает к девушке прохожий —
Незнакомец, перикатиполе,
Василиск, кудесник, принц, кто знает,
Кто рассудит зной и трепет поля,
Если просто вспыхнула былинка
(По сердцу прошёлся странный ветер,
Взволновал...), и если гость так статен,
Волоок, и тих, и знает слово,
Сладкими, нездешними речами
Распалает сердце, разрывает
Платье, размыкает чистый пламень...

Огонёк прозрачный затворяет
В чёрную клокочущую трубку,
Тянет тяжело, неторопливо,
Волосатый, ласковый, как дьявол,
И стихает, лёжа на топчане
С женщиной погаснувшей, сторожко
Слушает позвякиванье пряжек:
Девочка бежит по коридору...

Подрастают крылышки, пушатся,
Молодая кровь шумит, и зубы
Стискивает странник, и усмешку
Прячет за ресницами, и долго
Щурится, раздвинув ситцы, смотрит
С низкого топчана, смотрит, смотрит
В огонёк – чуть наискось – соседский,
В закуток мерцающий, сиротский...

Я устал от тоски и разврата,
Я устал от сестры и собрата,

Я уже изумляться почти перестал
Изумрудным сияньям в ночи. Я устал.
Я прошу об одном – погодите,
Крест не ставьте на мне, рассудите,
Может быть я не всё размотал,
Вестник райских щедрот,
И порока
Мытарь, мот...
И мотает дорога
Меж болотных огней,
И до срока
Измытарился я.
И устал.

Аты-баты,
Шли солдаты...
– Виноваты?
– Виноваты!
– Перед кем?
– Перед всем!
– Дураки вы совсем,
И чего ж вам горевать?
Вам не надо воевать
Просто-напросто...
– Ишь ты, умные какие!
Мы такие,
Мы сякие,
Нам не надо воевать...
А кто вас будет одевать,
А кто вас будет обувать,
А кто вас будет убивать
Просто-напросто?..

Как женщина целует шрам!
Бледна, никем не приневолена.
Так молятся, что жизнь отмолена,
Так прикасаются к Дарам.

Целует не глаза, рубец,
Забыв бывшие святотатства,
Завои золотого б... ства...
Любимая, а не бабец.

Он был с погибелью знаком,
Знаком был с женщиною странной,
И знак излома над виском
Лишь радикал судьбы туманной.

Попав, как лох, во времена
Подлейшей смуты, он не знает,
Жалеет ли его она,
Или другому изменяет?

Не в этом суть. Здесь всё простят,
И виноватость, и затмение,
И пусть он будет из растяп,
Она – судьба. Любовь Знаменье.

Пускай судачат то да сё,
В таком раю не имут сраму.
Есть женщина. И он. И всё.
И – губы белые ко шраму.

Плачу. Родину своровали.
А какое крутили кино!
Плачу. О первой любимой? Едва ли.
Это было слишком давно.

Плачу во сне. По горькой обиде?
Я кого хочешь обижу сам.
Плачу. Плачу по Атлантиде,
По граду Китежу, по чудесам?

Плачу, как плачет глупая баба,
Которой привиделось то, сё,
Жизнь не сложилась? Вроде, не слабо
Пелось, гулялось. Плачу, и всё.

Утром опять подушку хоть выжми.
Купил полкило, и к друзьям на плов.
А у тех вся квартира в пижме.
Тоже плачут – изводит клоп...

.....
.....

*Пижма – народное средство от клопов

Шоферня пришла и набардачила.
Скатерть в пятнах. Колотый стакан.
Спичкой зажиганье проворачивал...
Завелось. Уехал полупьян.

Пожелали чистенькой попутчицы,
Да ещё ни пуха, ни пера.,
К сердцу ключ... ну, это как получится.

Где он этот ключик, фраера?

Чистую привёз. Жратву смастачила.
Прибралась. На плитке подогрев.
А братва пришла и набардачила.
На скатёрке белой дама трэф.

Ой ли, жизнь, судьба моя паскудница,
Подскажи, хоть чем-то просвети,
Почему с печалью не распутаться,
Почему непрух не извести?

УРОД

– «Руби мне башку! – рыдал —
Или спать сейчас же ложись,
Вот тут же, рядом ложись!..»

И в руки топор дал.
Не давал никому в жись.

ЖЕЛЕЗКА-РОМАНТИКА

Мальчик рос на станции Сормово,
Много видел растения сорного,
Кто-то рванул сто грамм,
Кто-то рванул стоп-кран,
Санкции, санкции...

Станции.

Город Сарапул
Горло царапнул.
Ценами цапнул...

На пол, подлы,
Летели патлы,
Кудлы, бретели...
Падлы!

– Сука, мадам?
– Сука, не дам!..

Санкции, санкции...
Станции, станции...

В карту ткнул. Нагадал.
Магадан.

Вычегда...
Пачелма...
Станция Мячина...
Маячная станция...
Промаячила.

В вагонах до чёрта, девчонки-бичёвки,
Шепча, матерясь и теряясь в дыму,
Песню затянут, такую, о чём-то,
Чего и не высказать никому.

Мама-романтика! В дури-чаду
Тырясь по тамбурам у ресторана,
Пить за свинцовую бляху-звезду,
Пломбу от сорванного стоп-крана?

Как это вышло, сыны-шатуны,

Крестики-нолики, правнучки-правнуки,
Дети побед, межпланетные ратники,
Спутники-винтики, путники-ватники?

Всем задолжали с минувшей войны,
Всем, бляха-муха, как падлы, должны...

Жрал бренди, дрался в тамбуре, продул
Мослы насквозь. Осенний свист в колене.
Поля, поля. Протёр стекло – в долине
На бугорке стоял домашний стул.
Изрядно, я подумал. И хотел
Сойти.

Но передумал.

Надо ехать.

...а кроме – все мы свиньи!..

И завыл

Чугун тоскливый в поле... за державу

Обидно. Но впендюрил хорошо.

Что хорошо, то хорошо. В сопельник.

И в ухо. И ещё, на посошок.

И встать помог... ну вот, опять завыл,

Опять тоскует, сволочь... ехать надо!

«Пифагорово пенье светил...»

Н.А.Заболоцкий

«Стране, имеющей много рабов, необходимо много музыки»

Тоталитарный догмат

Ударит музыка над миром!..

Но сон милей мне, чем обман.

Что музыка? Наркотик сирым,

Математический дурман.

Где музыка, там тьмы, потёмки

Рабов, что ей подчинены,

Я сплю, но вопли их и ломки

На кромке сна обнажены.

Очнитесь же, слепые твари,

Как вы обдолбаны числом!

Есть только Слово, Дух в разгаре

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.